

Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске).

Ф. И-8. Городская Управа.

Ф. И-152. Тобольское общее губернское управление.

Ф. И-161. Тобольская губернская больница.

Ф. Р-272. Управление Тобольской уездно-городской советской рабоче-крестьянской милиции.

Ф. И-344. Тобольский уездный съезд крестьянских начальников.

Ф. И-353. Тобольская казенная палата.

Ф. И-417. Губернский статистический комитет.

УДК 929.253

Р. С. Гольдберг-Гуревич
Газета «Тюменский курьер», г. Тюмень

«ЗАПРЕЩЕННЫЕ СОЛДАТЫ»: ИСТОРИЯ ПРОЕКТА

В статье рассказывается об истории появления сборника, посвященного судьбам советских военнопленных периода Великой Отечественной войны. Сборник основан на фонде фильтрационно-проверочных дел, находящихся на хранении в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советские военнопленные, Тюменская область, мемориальные издания.

Мой путь к этой теме был очень прост. Никаких семейных легенд или воспоминаний. Разве что лагерь в Майданеке и гора пепла недалеко от крематория. Но это было еще очень далеко от темы пленных вообще и тем более от работы над этой темой применительно к территории, на которой я живу. Но бывает, что тема тебя сама находит. Тут как раз такой случай.

Однажды, в 2004 г., мой коллега Александр Новопашин, который тогда работал директором департамента информационной политики в областной администрации, заговорил со мной о том, что приближается шестидесятилетие Победы. Саша в разговоре уронил фразу: «Что бы нам такое сделать, чего ни у кого нет?» А я сказал, что недавно узнал, что документы бывших пленных, уроженцев Тюменской области, переданы из архива ФСБ в гражданский архив. Это бывший партийный архив, который теперь называется ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.

Идея понравилась, но как получить разрешение на работу с недавно совершенно секретными документами? Нам отказывали три, кажется, раза, но мы были настойчивы, и разрешение было получено.

Нас было двое – ныне отставной полковник ФСБ и я.

Если бы вы видели эти фильтрационные дела, в которых мы нашли и зеленые карточки, которые немцы-аккуратисты на каждого пленного заполняли, подробно опрашивая: как звать, где родился, номер воинской части, домашний адрес и отдельно – девичья фамилия матери. Особенно поражал вопрос о домашнем (довоенном) адресе: в гости что ли собирались? Но мы сами ответили на него, когда вспомнили о Женевской конвенции, по которой за пленным сохранялось право на переписку с родными. Я и мой соавтор заполняли карточки на каждую фамилию. Опыт составления персональных карточек с необходимой и достаточной информацией был. Предыдущий проект, «Книга расстрелянных», содержал персональные данные на 7 200 человек. Пятнадцатью годами раньше я создал шаблон.

Эти старые бумаги, написанные то по-немецки, то по-русски, потрясали. А немцев главным образом интересовало: *wann und wo gefangen* (когда и где был пленен). Это давало информацию о боевом пути.

Когда бывшие пленные проходили фильтрацию, то там и выривывалась эта трагедия. Последний бой, само пленение, маршрут в лагерь. Например, боец, плененный в большой излучине Дона, в 100 км от Сталинграда, рассказывал, что отступавшие солдаты прятались от немецких танков в высоких хлебах, а немецкий офицер стоял в открытом люке и показывал автоматчикам, где наши прячутся.

Это все невозможно пересказать. Всего в Тюменском архиве хранится около 11 тысяч фильтрационных дел. С 2005 по 2011 гг. мы выпустили пять томов книги, которую назвали «Запрещенные солдаты». Я думаю, читатель знает, отчего такое название. Потому что до ельцинского указа они не считались ни ветеранами, ни даже участниками войны, Любой чиновник мог бросить в лицо: пока другие воевали, ты в лагере отсиживался. И члены областного совета ветеранов, давнего уже состава, после выхода первого тома жаловались на нас губернатору. Не хотели делиться победой? Даже те, кто вернулся и отработал свою, как считалось, вину, а точнее беду, – годами трудился в шахте или на лесоповале, как, например, бывший старший лейтенант Николай Захарчук. Он за форсирование Днепра был награжден Золотой звездой Героя, посмертно. А на самом деле тяжелораненым попал в плен, потом – в разведшколу «Сатурн», где советский разведчик-нелегал, конечно, стал готовить его к переброске через линию фронта – передать материалы о «Сатурне», данные о тех, кого забраывают.

Он успел подготовить и отправить шестерых и готовил седьмого, Захарчука, но не успел. Школа отступила в Нижнюю Саксонию,

где в конце войны весь ее состав взяли англичане и передали советским войскам. Потом – суд: восемь лет лагерей, но он и оттуда сумел разыскать своего куратора. Новый суд вернул ему свободу, офицерское звание и высокие награды, которых до сих пор он еще не держал в руках. В 2014 г. случилась оказия мне побывать в Киеве. Я разыскал телефон и позвонил.

– Папа умер, – ответил на мой вопрос женский голос. Мы встретились, и я рассказал Валентине Николаевне то, чего она не знала и не могла знать о своем отце. На столике лежала довольно потрепанная книга.

– Папа читал ее последнее время.

Это были воспоминания командарма Лукина, который тяжело-раненым попал в плен под Вязьмой. Если смотреть на книгу сбоку, видно, что часть страниц выглядит так, словно постоянно читалась. Раскрыл на этих страницах – генерал пишет, что в лагере один из наших солдат, пленный, спросил его, что делать?

– Постарайся остаться в живых...

Я понял, что Захарчука тоже мучил этот вопрос...

В фильтрационных документах мы находим не только важные, но и чрезвычайно интересные исторические сведения. Например, о лагере военнопленных под Уманью, где наши врачи, тоже военнопленные, составляли списки умерших и прятали их в стеклянных банках. Они сохранили много имен – банки были обнаружены после войны при строительных работах на месте бывшего лагеря.

Конечно, мы не только составляли карточки. В наших книгах немало текстов не только о войне, пленении и плене, но и о последующих событиях. О том, как они вернулись и как их встретили.

Как Мария Родькина, бывшая санитарка медсанбата 229-й стрелковой дивизии, погибшей в большой излучине Дона, вернулась в Ишим после Равенсбрюка. Она пришла в райком комсомола с просьбой помочь устроиться на работу. И услышала упреки в том, что она вернулась, что не погибла, не покончила с собой [Гольдберг, 2006, с. 193–308].

Еще одна история о Сергее Киселеве, которого немцы, взяв в плен, увезли во Францию. Он бежал к партизанам, проявил в боях настойчивость и храбрость, получил благодарность от правительства. А когда вернулся, то пограничный пост в Одессе отправил его в СМЕРШ, а после недолгого допроса – в промышленность, хотя он хотел вернуться в Тобольск [Гольдберг, 2005, с. 265–290].

И еще одна история, которая называется «Наши итальянцы», которая продолжилась уже в новом веке. О Михаиле Молчанове из

Тюменского района. Немцы приспособили пленного... сапожником в стрелковую часть, которая отправлялась в Италию. Он бежал к партизанам в долине Аосты, воевал храбро. Когда война закончилась, командир партизанской бригады выдал удостоверение *soldato russo*, которое заверили американские командиры. Дальше все по трафарету: прибытие, допрос, изъятие документов и направление в промышленность. Михаил прожил долго, получил в 1985 г. орден Отечественной войны. И партизаны Аосты его не забыли. В 2017 г. в Италии вышла книга на русском и итальянском языках «Движение сопротивления и советские партизаны» (она стоит в моем книжном шкафу). В разделе о боях в провинции Реджио Эмилия рассказывается и о Михаиле Молчанове. Его внук в юбилейные даты уже ездил в Италию, где помнят о русском солдате [Гольдберг, 2006, 347–398].

Работая над книгой, мы находили (в фильтрационных делах) немало документов, изъятых во время фильтрации. Находили фотографии. Из этого и родилась обложка, которая переходила из тома в том, только фотографии менялись. Кстати, на первых страницах мы печатали списки тех, кто изображен на обложке.

Среди наших героев есть человек из Казанского района. Когда его спрашивают о наградах, он отвечает, что у него пять наград. И перечисляет: Маша, Зина, Катя, Лена, Валя. Это имена пяти его дочерей.

Мы опубликовали истории только восьми с половиной тысяч бывших пленных. Честно скажу – на большее сил не хватило. Но опыт, который был приобретен, пригодился, когда я работал над двумя следующими книгами, одна из которых продолжала другую. Это история 229-й СД, которую удалось (не дивизию, а историю) восстановить в людях и судьбах. Кстати, почти точно так же отправляли нас в поиск случайно попавшие в руки ксероксы военкоматских призывных списков и телефонный звонок из Волгограда: не помогу ли отыскать родных Кузнецова Семена Дмитриевича, медальон которого поисковики отряда «Уран» нашли в засыпанной взрывом ячейке на левом берегу речки Чир недалеко от Суровикино? Каждая книга – три года работы: с 2009 по 2012 и с 2018 по 2021-й.

Гольдберг Р. Запрещенные солдаты. А–К. Тюмень: Изд-во «Тюменский курьер», 2005.

Гольдберг Р. Запрещенные солдаты. Т. 2. Кн. 1. Л–Я. Тюмень: Изд-во «Тюменский курьер», 2006.